

УДК 930.1

Бугай Николай Федорович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации III класса Москва, Институт российской истории РАН nikolay401@yandex.ru

150 ЛЕТ ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ КОРЕЙЦЕВ В РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

В статье, приуроченной 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию (1864 г.), рассмотрены приоритетные проблемы, изучаемые российской исторической наукой в последние два десятилетия. Выявлены основные направления изучения проблемы, ее эволюционного пути, отличие первых научных трудов от работ, появившихся в 2000–2013 гг., когда авторы стали обращать внимание на выявление роли и места этнической общности в российском многонациональном сообществе. Анализируются трансформации, которые имели место в развитии разных сторон этнической общности, показано заметно возросшее участие российских корейцев в управлении социальными процессами на местах, в общественной жизни государства, в совершенствовании производства, развитии науки, спорта. На многих примерах отражены достижения и выявлены упущения недостаточно точного изложения событий, обстановки, связанных с адаптацией и интеграцией корейцев на разных этапах истории советской и российской государственности.

Ключевые слова: империя, переселение, Гражданская война, Советы, коллективизация, Отечественная война, принудительное переселение, социалистическое строительство, реабилитация, взаимовосприятие.

Bugay Nikolay Fiodorovich,

PhD in History, Principal Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Professor Full 3rd Rank Russian Federation Counselor of State, Moscow, Institute of Russian History, RAS nikolay401@yandex.ru

150TH ANNIVERSARY SINCE THE VOLUNTARY RESETTLEMENT OF THE KOREANS IN RUSSIA: TRANSFORMATION INCURRED TO THE ETHNIC COMMUNITY (HISTORICAL STUDIES ON THE ISSUE)

The paper is timed to the 150th anniversary since voluntary resettlement of the Koreans in Russia (1864); it considered priority issues explored by Russian historical research over the recent two decades. The study revealed major trends of issue development, its evolutionary track, and how much the first research studies have differed from papers that appeared in the period from 2000 to 2013 (when authors focused on showing up the role and place of an ethnic community in Russian multicultural society. The paper explored transformations incurred while development of various features of ethnic community, and has shown that participation of Russian Koreans in local management of social processes and in public life of the State has substantially increased, as well as in improvement of production, advancements of science, sports achievements. Multiple accounts reflect achievements and reveal oversights due to insufficiently exact statement of events and situation related to adaptation and integration of Koreans in various stages of history of Soviet and Russian statehood.

Key words: (Russian) Empire, resettlement, the Civil War, the Soviets, collectivization, the Great Patriotic War, forced resettlement, socialist development, rehabilitation, mutual perception.

Проект подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко).

Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы – член.-корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

В условиях трансформации многих сторон развития российской государственности в первом и начале второго десятилетия XXI в. было активно продолжено изучение как самостоятельного направления исторической науки – проблемы принудительного переселения народов в условиях проводимого «социалистического эксперимента» на территории бывшего Союза ССР.

Появление этого направления в науке было связано напрямую с теми социальными преобразованиями в обществе, которые наступили в конце 1980-х – начале 1990-х гг. События, отражавшие перестройку общества, его коренных устоев, слом сложившихся стереотипов, вызвали к жизни и обозначенную проблему. 1990-е гг. отмечены как одновременным изучением вопроса, так и реализацией практических мер по исправлению ошибок в системе национальной государственной политики в Союзе ССР. Это было обусловлено необходимостью получить в первую очередь ответ на многие вопросы негативного свойства: в целях выработки новых управленческих решений по исправлению ошибок прошлого выявить причины принимавшихся мер государством по принудительному переселению не только отдельных граждан, но и народов, групп населения, расширить познания обществом этой стороны жизни государства, об ис-

полнителях подобных акций на общегосударственном уровне и местном, региональном – республика, край, область, округ, район.

В новых условиях развития российской государственности, когда страна в 1990-е гг. выбирала за основу путь построения правового общества, перевода жизни на основу правовых отношений, важным становилось анализировать закономерности реализации карательных мер по отношению к гражданам. Необходимым было показать составляющие этих процессов, а именно – роль и место партийных и советских органов власти, командования воинских соединений, лидеров СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов, выявить причины необходимости принятия столь непопулярных решений.

Появившийся доступ к открывшимся архивам в условиях гласности содействовал наполнению новым содержанием, статистическими данными об этих процессах, возможности их интерпретации – экономической, философской, исторической – и применения прогностического принципа, позволяющего определить будущность состояния и направленности развития общества в новых условиях существования.

Несомненно, проблема, так как она касалась на практике не только отдельных граждан, но целых народов, групп компактного населения, государственности той или иной этнической общности, носит всесторонний характер, требует определенной интегральной компетентности, связанной со знанием всех сторон проводимой социальной, правовой, культурной и территориальной реабилитации народов в последующем.

Важной составляющей выступал и теоретический аспект проблемы. Изучение его с позиции выявления самой сущности проводимой государственной национальной политики, выстраивавшихся межэтнических отношений, направлений собственно взаимодействия по вектору «народы и власть», формировавшихся принципов, на которых базировались меры карательных действий государства, включая и такой механизм, как принудительные переселения, итогов и последствий этих процессов в многонациональном сообществе, каким оставался Союз ССР в рассматриваемый период, приобретал неоценимое значение.

Для глубокого познания особенностей национальной политики, связанной с мерами государства по принудительному переселению народов и советских граждан, необходимым было не только изучение принимавшихся управленческих решений, правовой стороны проблемы, но и оценка экономического, политического состояния общества, базировавшегося на том или ином географическом пространстве, в рамках его расселения. В связи с этим приобретает особое значение изучение и роли, и места территориального фактора как составляющей всех принудительных переселений.

Однозначно необходимо было обратиться к таким сторонам проблемы, как конститутивность подобной политики в государстве, «модель» ее осуществления, характер и содержание принимавшихся мер (от вербальности до практического применения), самого принудительного переселения, отношение к этим деструктивным действиям контингентов переселявшихся граждан, принадлежавших к различным этническим общностям. С учетом повышенной этнической мобильности приобретало особое значение понимание роли и места не только титульных этнических общностей, но и национальных меньшинств, которые были зачастую спонтанно вовлечены повсеместно в эти негативные переселенческие процессы, протекавшие в принудительной форме. Именно таким путем можно было выйти на правильный выбор управленческих решений по исправлению ошибок государственной национальной политики прошлого.

Вероятно, суть теории самого вопроса исходит еще из проводимых принудительных переселений в древнейших государствах, затем в странах Европы, Ближнего и Среднего Востока, в Российской империи до 1917 г. и в основе применения мер карательного характера по отношению к народам как меры наказания с целью стабилизации обстановки.

Действия были обусловлены в первую очередь необходимостью упрочения власти, функционировавшего режима, устранения экстремальной обстановки в государстве, сообществе. Именно по этому пути развивался сам процесс. Могли быть в его основе и названы другие причины: экономического характера, необходимость решения территориального вопроса, достижения покорности того или иного этнического общества, группы населения, реализация мер военного характера. Не случайно эти аспекты поясняются как необходимость реализации интересов той или иной государственности.

В появившихся первых более или менее емких исследованиях проблемы в конце 1980-х – 1990-е гг. основное внимание обращалось на выявление подвергшихся мерам деструктивного воздействия со стороны государства по отношению к этническим общностям, в том числе и национальных меньшинств. Это было характерным применительно ко многим государствам Европы (Испания, Германия, Чехия и др.).

Уделялось внимание выявлению количественных характеристик процесса принудительных переселений, их причинам, выявлению условий реализации этих мер, позиций взаимодействовавших в этих акциях, восприятие подобных действий непосредственно самими гражданами и теми, кто подпадал под этот пресс.

Предпринимались и первые попытки исследовать правовую сторону, трудовое использование переселенцев в интересах решения государственных задач, реализации мер, связанных, в частности, с борьбой с фашизмом в войне 1941–1945 гг., участие представителей репрессированных этнических общностей в Великой Отечественной войне¹.

Обращалось внимание на формирование источниковой базы проблемы, что, несомненно, оставалось важной составляющей и для выявления специфики, в каждом отдельном случае, применительно к каждому народу, группе населения, применительно к личности по профессиональным интересам (репрессированные прокуроры, этнографы и др.)².

Самостоятельной стороной в этих процессах выступала и проблема роли и места конфессий, отношения самой церкви к этому явлению, использование служителей традиционных конфессий, в первую очередь ислама, в целях осуществления властных функций в местах дислокации репрессированных граждан.

Проведенная работа в 1980-е гг. содействовала появлению различных понятий и их толкованию. Здесь они принимали широкие размеры и необычную пестроту, зачастую выходили за рамки соответствия действительному положению дел, той терминологии, которая применялась ведомствами, призванными заниматься реализацией на практике этой политики. Следует остановиться на анализе некоторых из этих введенных в научный оборот понятий и их правомерности. Широкое распространение получило такое понятие, как «депортация» народов в условиях Союза ССР. Приверженность к этому термину в 1990-е гг., вероятно, объяснялась нахлынувшей возможностью доступа к ранее запрещенным документам архивов, увлеченностью новой темой, ее новизной в исторической науке, что по мере более глубокого изучения и обоснования привело к выявлению некоторого несоответствия идентичности названного понятия между, например, историками и истоками-правовиками.

Точка зрения юристов сводится к тому, что применение термина к переселению этнических общностей в рамках одной страны вряд ли можно трактовать как «депортация», которая больше соответствует по своему назначению понятию действия, совершаемого между двумя государствами, когда надо проводить такую меру, как пересечение государственной границы (частично японцы, китайцы, иранцы, корейцы и др.). Применительно к этническим общностям Союза ССР эта акция должна рассматриваться как принудительное переселение, проводимое исключительно в интересах государства, в интересах стабилизации ситуации в обществе.

В это же время появились и всевозможные надуманные классификации принудительных переселений: «региональное», «местное» переселение и пр. (П.М. Полян), затем «подхваченное», позаимствованное Л.Н. Дьяченко и другими авторами.

В документах государственных служб подобных определений не содержится. В связи с этим кажутся неуместными и оценки государственной национальной политики как «депортационная политика», «репрессивная государственная политика («переселение по национальному признаку», так надо понимать?), «политика геноцида». В документах 1930–1950-х гг. подобная терминология в оценке политики не применялась. Это касается не только Союза ССР, но и других государств, которые никогда не определяли свою политику как репрессивную.

¹ Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М., 2005 и др.

² Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. Документы и материалы. Нальчик, 2001 /Сост. Б.М. Зумакулов, А.Х. Каров, С.Н. Бейтуганов, А.И. Мусукаев). Нальчик, 2001; Материалы съезда представителей репрессированных народов (Магас, 26–27 апреля 2001 г.). Магас, 2001; Курбанов М.Р., Курбанов Ж.М. Дагестан: депортация и репрессии. Махачкала, 2001; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. /Сост. М., Новосибирск, 2001; Депортация польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году /Сост. Виноградов В., Гайовничек З., Гронек Б., Маевский М., Макаров В., Перемышленникова Н., Слонь-Новачек М., Тухольский Е., Христофоров В. Варшава – Москва, 2003; Ингуши: Депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Документы, материалы, комментарии. Магас: «Сердало», 2004; Корейцы в Союзе ССР – России. XX-й век. История в документах М., 2004. «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938». М., 2004 Абраменко Л.М., Амонс А.И. Репресовані прокурори в Україні /К. Истина, 2006 и др.

По-прежнему спорным остается предложенное и транслированное понятие С.У. Алиевой, затем подхваченное И. Алиевым, Л.Н. Дьяченко и другими историками и неисториками «о депортациях по национальному признаку». И привел к этому исключительно поверхностный подход к самой проблеме. Не был проведен должный научный анализ, не давалось этому и пояснение. Однако определение было «подхвачено», но применено с попыткой научного толкования П. Поляном.

Этот вопрос не мог обойти стороной Х.-М.А. Сабанчиев, сконцентрировав на нем внимание путем анализа работ своих предшественников. В конкретном случае, по моему мнению, более верной является точка зрения, изложенная в этом отношении Т.В. Мухотровой¹, и Х. Сабанчиев занял подобную позицию. В данном случае он прав.

Нет оснований с уверенностью констатировать, что сам факт принадлежности к той или иной этнической общности является поводом для принудительного выселения. По мнению Т.В. Мухотровой, как правило, этнический фактор обеспечивался дополнительными критериями социального характера, которые по своему значению расценивались как опасные для государства тенденции или обстоятельства.

Примером этому как раз и являются сведения, приводимые Х.-М.А. Сабанчиевым о выселении кулаков в 1930-е гг., они-то принадлежали ко всем национальностям. Автор выявляет признаки и принципы «репрессивных миграций», что очень важно для представления проблемы в целом. По нашему мнению, назван главный из них: «установка на отрыв масс людей от устоявшейся и привычной среды обитания». Вообще-то, в науке он известен больше как принцип приверженности к историческому месту проживания. Историки свидетельствуют, что нарушение этого принципа со стороны режима власти всегда приводило к дестабилизации в обществе, фактически к полному разрыву по вектору «народы и власть», нанесению ущерба самосознанию и национальному сознанию, чувству патриотизма и т.д.

В данном случае также ощущается определенный элемент надуманности. В этом ключе спорным остается и такой посыл: например, Л.Н. Дьяченко в дополнение к понятию «депортация по национальному признаку» предлагает еще и «этнические депортации». Необходимо учитывать все-таки тот факт, что по сведениям Всесоюзной переписи населения в 1939 г. в списке значились 64 этнические общности на территории страны. Принудительно выселялись, по данным документов НКВД СССР, 61 наименование этнических общностей. Отсюда возникает вопрос: какие из этнических общностей, кто же оставался в числе не переселявшихся, составлявших ненациональный признак? Русские, так нет. По данным А.В. Марчукова, принудительному переселению подвергались более 190 тыс. русских с территории Украинской ССР². Принудительным переселениям были подвергнуты казаки с юга России в концентрационные лагеря на Север Дона, а затем дальше – на Север (см. труды С.П. Мельгунова), русские – кулаки, представители русских – из центральных областей РСФСР – «ИПХ» (истинно-православные христиане), с территории Крыма, Мурманской области и др.

В ходе принудительных выселений в 1940-е гг. русские значились в составе всех переселявшихся этнических общностей в Союзе ССР. Общее количество переселявшихся русских, по приблизительным данным, составляло в хронологический период с середины 1930-х гг. и до 1953 г. более 200 тыс. человек.

Одновременно предложены для определения принудительно переселенных граждан и такие понятия как «депортанты», «малые народы» (Л.Н. Дьяченко). В данном случае было бы целесообразным сопроводить сноской на то, в каком из государственных документов автором встречается подобное определение, трактуется «фактор субъектности» (Л. Хоперская), якобы применявшийся в проводимых И. Сталиным принудительных переселениях, и прочие изыски. Правда, сноски на эти посылы в исследованиях также отсутствуют.

Как наследие изучения проблемы в обобщающем виде получило распространение и толкование такое понятие как «покаяние народов», главным образом русского народа перед подвергшимися репрессиям народами, что по своей направленности также носит надуманный характер и противоречит всякому здравому смыслу. В принудительном переселении, и особенно в разработке нормотворческой базы, проведении операций, например, на Северном Кавказе активным было участие грузин. Более того, аппарат НКВД СССР во многих союзных, автоном-

¹ Мухотрова Т.М. Особенности депортационной политики советского государства // Вестник КБГУ. Гуманитарные науки. Нальчик, 2005. Вып. 10. С. 46–48.

² Марчуков А.В. Украинское движение в УССР в 1920–1930-е годы. М., 2004. С. 496; Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006.

ных республиках был представлен грузинами (Рапава, Цанава, Гоглидзе, Ш. Церетели, Л. Берия, Гр, Каранадзе и многие другие). А на Дальнем Востоке активную роль в переселении советских корейцев, например, играл Г.С. Люшков и др.

Утверждение этого положения особенно характерно для последних работ Х.-М.А. Сабанчиева и А. Алафаева¹. Авторы покаяние рассматривают как основу (стимул) для деятельности, в том числе и балкарского национального движения, и как чуть ли не «идеологию в культуре и политике», как основу морально-политического скрепа для этнической общности.

Весьма проблематичным остается вопрос о всевозможных покаяниях, который постоянно вызывает к жизни формулу: «кому каяться и перед кем». Вопрос не бесспорен. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. – это уже покаяние, хотя и заслуживает двоякой оценки. Но в плане цивилизационного подхода проблема переведена с вербального состояния в практическую, правовую плоскость. С одной стороны, закон стал важным историческим документом, в котором Россия (!) впервые осудила пагубную национальную политику, а с другой стороны, принятие этого Закона способствовало усилению конфронтационной ситуации на местах, породило неразрешимые проблемы, вызвало к жизни мусирование общества вокруг надуманных разных идеологических схем. Одним из порождений такого рода выступает и требование бесконечных покаяний по уже названной неизвестной формуле «кого и перед кем». По нашему мнению, эти вопросы о покаянии возникают по причине недостаточно глубокой проработки имеющейся литературы последнего десятилетия. Вероятно, это связано с определенными трудностями доступности к ней, а также другими причинами.

Определенная метаморфоза произошла и в ходе последующего освещения рассматриваемой проблемы, в частности в 2000–2013 гг. Этот период заметно отличался от предшествующего десятилетия. Стали появляться научные исследования, в которых отчетливо наблюдается отход от уже решенных российской историографией вопросов. В работах ученых анализируются и изучаются конкретные аспекты темы. Они связаны в первую очередь с судьбами принудительно переселенных граждан.

Авторов интересуют такие вопросы, как последующее обустройство, адаптация и интеграция в местный социум, трудовая занятость, участие в хозяйственной и общественной жизни того или иного региона страны, взаимодействие с другими этническими общностями, участие репрессированных граждан в Великой Отечественной войне, роль в сохранении и развитии национальных культур, обогащение в процессе общения элементами самобытной культуры других народов, участие в воспитании культуры межэтнического общения, осуществление мер по реабилитации, решение проблем принудительно переселенных граждан по их возвращению и др.

В последние годы уделялось внимание как отдельным, подвергшимся принудительному переселению этническим общностям, так и вопросам проживания в местах переселения, форм и методов работы с переселенцами, их тяжелого режима проживания и существования. Не протекал этот процесс и без идеализации этих отношений между этническими общностями, что зачастую противоречит истинному положению дел и в определенной мере ведет к искажению действительности.

С учетом изложенного имеются все основания обратиться к научным изданиям, появившимся в рассматриваемый период – в 2000–2013 гг. Прежде всего, представляют особую ценность появившиеся обобщенные труды по теме, а также работы по отдельным этническим общностям, подвергшимся репрессивным воздействиям со стороны государственных органов власти. Автор при изложении придерживается территориально-хронологического принципа, учитывая в первую очередь те регионы, с территории которых осуществлялось принудительное переселение этнических общностей.

Как известно принудительное переселение на территории РСФСР первыми испытали иранцы на Северном Кавказе, советские корейцы на Дальнем Востоке, немцы в Поволжье.

В 2014 г. исполняется 150 лет с тех пор, когда корейцы – жители главным образом северных районов тогда единого государства Кореи по причинам разного характера и в первую очередь голода и стихийных бедствий добровольно изъявили желание переселиться в Россию. Они избрали для себя русский мир, преследуя единственную цель – выжить, спасти свои семьи. Проблема в историческом плане постоянно находится в центре внимания. Поэтому было

¹ Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А. Реабилитация балкарского народа: проблемы решения // Отечественная история» 2008. № 1. С. 79–90.

бы целесообразным подвести итоги ее исследования в последние два десятилетия, приурочив статью к такой важной исторической дате.

В первое десятилетие XXI в. вышел целый блок научных трудов, в которых подводились итоги принудительного переселения более 172 тыс. корейской общности с территории Дальнего Востока в Республики Средней Азии, Казахстан и в Астраханский округ Сталинградской области. При этом проблема изучалась учеными как центральных научных центров, так и местных, Дальневосточного региона, а также учеными Республики Корея. Обращалось внимание на организацию этих процессов на практике, их ход, роль местных партийных и советских органов власти, выявлялись количественные характеристики процессов, выстраивалась нормативно-правовая база осуществления мер по реабилитации¹. Следует отметить, что многие из перечисленных направлений, как приоритетные, уже довольно обстоятельно рассмотрены в исторической литературе. Выявлены многие стороны жизни российских корейцев.

Своеобразным разделом этого периода явилось проведение мероприятий на государственном уровне, приуроченных к 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию². Это событие отмечалось впервые в России. По этому случаю в феврале 2004 г. было принято и Распоряжение Правительства Российской Федерации³.

Публикация в 2009 г. очередного тома издания «Истории Дальнего Востока России («Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945 – 1950-е годы»)»⁴ (книги 4, том 3) явилась поистине историческим событием. В томе анализу подвергнута национальная составляющая. Не явились в этом плане исключением и советские корейцы Дальнего Востока. Эта сторона проблемы корейской общности, проживавшей после принудительного переселения (с середины 1940-х гг.) на Дальнем Востоке, рассматривается специально. Корейцы по разным причинам направлялись в эти регионы страны.

Обращение к вопросу помогает конкретно представить этот период в жизни корейского сообщества на территории Дальнего Востока. Однозначно и то, что, несмотря на принудительное переселение, спустя некоторое время, трасса жизни советских корейцев на Дальнем Востоке восстанавливалась, возрождались постепенно и национальные традиции. В книге широко представлена динамика изменения численности корейской этнической общности в регионе, которая была обусловлена необходимостью вовлечения корейцев в местную экономику как главного ресурса производительной силы для освоения богатств Дальневосточного края. Корейцы стали играть большую роль и в налаживании международных контактов в первую очередь с государствами, откуда в прошлые времена осуществлен был их выход.

В Институте российской истории РАН В середине декабря 2009 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Ж.Г. Сон «Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920–1930-е годы»⁵. Ею же в начале 2013 г. была опубликована монография «Российские корейцы: всеилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930-е годы» (М., 2013). Автор четко определяет региональную специфику неоднозначных, а порой и противоречивых событий 1920–1930-х годов на

¹ Ли В.Ф. Россия и Корея в геополитике Евразийского Востока. М., 2000; Попова Ю.Н. Из истории корейских национально-культурных организаций в России в 90-е годы XX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2000. № 3–4; Бэ Ынгён. Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938). М., 2001; Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг. /Сост. Ку С.Н. Кн. 1–14. М., 2000–2009; Бугай Н.Ф., Сим Хон Ён. Общественные объединения корейцев России. Конститутивность, эволюция, признание. М., – Сеул, 2004; Пак Б.Д. Россия и Корея М. 2004; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея, М., 2004; Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2006; Бугай Н.Ф. Проблемы реабилитации этносов Союза ССР в российской историографии // История и историки М. 2004; он же: «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации М., 2005; он же: Корейцы стран СНГ: общественно-«географически синтез» (начала XXI в.). М., 2007; он же: Корейцы России: вопросы экономики и культуры. М., 2009 и др.

² Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев М., 2004;

³ Распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 149-р опубликовано в кн.: Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: ИВ РАН. С. 5.

⁴ См.: История Дальнего Востока России. Т. 3. Книга 4. Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945 – 1950-е годы /Общ. ред. В.Л. Ларин, отв. ред. А.С. Ващук). Владивосток: Дальнаука, 2009.

⁵ Сон Ж.Г. «Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920-е – 1930-е годы». Авт. дисс. ...к.и.н. М., 2009. См. также опубликованную монографию: Сон Ж.Г. Корейцы в СССР: репрессии, депортация. 1920 – 1930. История этнических меньшинств в СССР. Берлин: Ламберт, 2011.

Дальнем Востоке. Фактически раскрывается обстановка в регионе накануне принудительного переселения советских корейцев.

Автором в истории советских (российских) корейцев выделены несколько этапов национально-государственной политики, связанной и с процессом обустройства, и преобразованиями корейского сообщества. Конститутивный (изначальный) этап – добровольное переселение корейцев – занимал длительный период. Затем следуют партизанское движение в период Гражданской войны, формирование государственной концепции отношения к корейской этнической общности в новых условиях России, становление социалистической корейской общности на территории Союза ССР (это не только территория Дальнего Востока), эволюция общности в условиях административной системы управления сообществом, предвоенный период, так называемый в истории период «подозрительности». На богатом архивном материале раскрыто принудительное переселение корейцев.

Многие из работ посвящались корейцам как жертвам политических репрессий, выяснению роли и места общности советских корейцев в послевоенный период, жизненный цикл в 1990-е гг. – начале XXI в., т.е. в условиях нового этапа демократизации (Россия, Казахстан, Узбекистан), сопровождавшегося повышенной этнической мобильностью, социальной натурализацией, усилением миссии корейцев – связующего начала между Россией и государствами Корейского полуострова¹.

Начало второго десятилетия XXI в. отмечено активным продолжением изучения темы в более широком аспекте. Появляются солидные работы как в центре, так и в других научно-исследовательских заведениях регионов страны с компактным проживанием российских корейцев. Постепенно заполнялись имевшиеся лакуны в историографии темы, стали известными многие события, связанные с проживанием корейской общности на территории Советского Союза, России².

В.Г. Цой в своем обобщающем очерке предпринял попытку толкования прежде всего причин выселения советских корейцев во второй половине 1930-х годов³. При этом автор рассматривает этот вопрос не с общепринятой позиции анализа роли И. Сталина, его отношения к мерам принудительного переселения, а роли окружения Сталина в этих процессах. Решение проблемы принимает несколько иной характер. По нашему мнению, такое толкование имеет

¹ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг. /Сост. Ку С.Н. Кн. 1–14. М., 2000–2009; *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2006; *Ли В.Ф.* Россия и Корея в геополитике Евразийского Востока. М., 2000; *Попова Ю.Н.* Из истории корейских национально-культурных организаций в России в 90-е годы XX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2000. № 3–4; *Бэ Ингён.* Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938). М., 2001; *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев М., 2004; *Бугай Н.Ф., Сим Хон Ён.* Общественные объединения корейцев России. Конститутивность, эволюция, признание. М., – Сеул, 2004; *Пак Б.Д.* Россия и Корея М. 2004; *Пак Б.Б.* Российская дипломатия и Корея, М., 2004; *Бугай Н.Ф.* Проблемы реабилитации этносов Союза ССР в российской историографии // История и историки М. 2004; он же: «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации М., 2005; он же: Корейцы стран СНГ: общественно-географический синтез» (начала XXI в.). М., 2007; он же: Корейцы России: вопросы экономики и культуры. М., 2009; Они сражались за родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны /ред. Н.Ф. Бугай. М., 2005; *Кузин А.Т.* История корейского населения российского Сахалина (конец XIX – начало XXI вв.); Владивосток, 2011; *Мильбах В.С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938 гг. Санкт-Петербург, 2007; *Булатов Б.Б., Мамаев М.И.* Северный Кавказ – новая территория расселения российских корейцев // Вестник Дагестанского ун-та. Гуманитарные науки. Махачкала, 2009. Вып. 4 и др.

² *Кузин А.Т.* История корейского населения российского Сахалина (конец XIX – начало XXI вв.); Владивосток, 2011; Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. /Сост.: Д.В. Шин, Б.Д. Пак, В.В. Цой. М., 2011; /Рец. Российская история № 3. 2012. Н.Ф. Бугай; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011; *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на Советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы. Владивосток, 2012; *Жанна Сон.* Российские корейцы: всевластие и бесправие этнической общности. 1920–1930. М., 2013; *Ким Е.* Корейцы Западной Сибири. Этнические общества в современных социально-политических процессах // Известия Иркутского гос. ун-та. № 2(11). Т. 2. Иркутск, 2013 и др.

³ *Цой В.Г.* Кто нагнал «Цунами» [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-mail/>

право на жизнь, несколько расширяет рамки изучения вопроса в целом и не делает освещение столь сложной проблемы однобоким, сводящимся только к оценке роли Сталина, как стоявшего во главе государственного аппарата власти, характеристики репрессивной машины.

В связи с этим справедливо констатирует доктор исторических наук Е.Н. Чернолуцкая. По ее глубокому убеждению, вопрос о переселениях советских корейцев с территории Дальнего Востока было бы целесообразным рассматривать «с учетом долговременных исторических миграций корейцев в Россию». При этом осуществлять это следует «в контексте выселений, которые прокатились по всей границе СССР, в том числе и с территории Дальнего Востока»¹. И эту точку зрения она развивает в своей монографии. Фактически подобной точки зрения придерживается и О. Ли в рецензии, дискутируя с В.Г. Цоём².

Несомненно, это так. Дело в том, что кроме советских корейцев до начала 1940-х гг. были принудительным образом выселены и представители других этнических общностей – курды, иранцы, китайцы, поляки, немцы, украинцы, русские, ингерманландцы. Только комплексное изучение позволит выявить и особенности действия репрессивной машины, и те механизмы, которые широко использовались ею для реализации планов правительства.

Тем не менее, работа В.Г. Цоя насыщена интересным материалом непосредственно и о самом процессе переселения, и об обустройстве корейцев в новых местах проживания, и по другим сторонам жизни корейской общности в это сложное время.

Из трудов, опубликованных учеными Дальнего Востока на последующем этапе, привлекает новизной постановки проблемы, богатой источниковой базой, использованием новых архивных материалов монография упоминаемой Е.Н. Чернолуцкой³. Ею рассмотрена эволюция политики пограничного режима в Российской империи и в последующее время, социальных чисток на Дальнем Востоке применительно к корейцам, другим этническим меньшинствам. В своих доводах автор исходит из положения наличия переселения тотального характера, увязывая его с принудительным переселением советских корейцев с территории Дальнего Востока как «поголовной депортацией по этническому признаку» (с. 201).

Отношение к корейцам вплоть до 1920-х гг. находилось в диапазоне *от «сочувственного» до «неприятного»*. Е.Н. Чернолуцкая рассматривает в связи с этим все перипетии корейской общности на Дальнем Востоке. Они связаны были с обустройством, заселением, взаимодействием с органами государственной власти и России, и Японии, выявляет трудности решения многих жизненных проблем этнической общности, особенности переселений корейцев с учетом и интересов, и стратегических целей России.

Опираясь на итоги исследования темы предшественниками, выявленный богатый архивный материал, воспоминания, автор уделяет большое внимание дискуссионным вопросам: о статусе советских корейцев, переселении вглубь территории края, о причинах принудительного переселения, вызревании предпосылок подробных акций, характере самих переселений, о возможностях формирования автономии корейцев на территории Дальнего Востока.

Появление книги об участии российских корейцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., составителями которой выступили Д. Шин, Б.Д. Пак, В.В. Цой, явилось знаменательным событием начала второго десятилетия XXI в. не только в России, но и в странах СНГ⁴. Ими проводилась большая изыскательская работа по выявлению новых архивных документов и материалов об участии советских корейцев в войне 1941–1945 гг.

Уже в 1941 г. большое количество молодых корейцев призывного возраста обратилось в военкоматы республик с единственной просьбой отправить их на фронт. Они продемонстрировали тем самым и свой патриотический и гражданский долг, уважение к предкам, любовь к Родине, той, которую избрали для них отцы и деды, а ею была Россия, а затем Советский Союз.

В этом плане корейцы выступали как истинные защитники Родины, восприняв тяжелое для нее время как обязанность, как проявление возможности исполнения своего гражданского долга. Следует отметить, что эта привязанность к Родине проявлялась корейцами на разных этапах истории российской государственности. И не случайно об этом говорится во многих за-

¹ Из личной переписки. Итог дискуссии по проблеме.

² Ли О. За депортацию несет ответственность один человек // Российские корейцы. №142. Сентябрь 2012. С. 9.

³ См. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы. Владивосток, 2011.

⁴ Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Серия «Российские корейцы». М.: ИВ РАН, 2011. /Рец.: Бугай Н.Ф. // Российская история. 2012. № 3.

писках путешественников, как и исследователей истории российских корейцев. Так, писатель А. Мелихов, например, по этому поводу замечал: «Русские, украинцы, белорусы, обрусевшие немцы и корейцы, воспитанные на русской земле, французы и монголы – это тело России, ее сила...»¹.

Следует отметить, что, однако, в реальности существовала и другая сторона проблемы. Под призывом в армию военкоматы вместо фронта отправляли советских корейцев как «неблагонадежных» в трудовые колонны и батальоны. Профессор Г.А. Югай в связи с этим замечал: «На фронт попали лишь единицы, оказавшиеся по ошибке военкоматов или скрывшие свою национальность, выдававшие себя за других»².

Фактически «привезли на Крайний Север в трудовую армию вместо обещанного артиллерийского, а позднее и танкового полков...»³.

По имеющимся сведениям архивных документов, в батальонах и рабочих колоннах на стройках Мурманской области, в Коми АССР, на угольных шахтах Тульской области и Подмоскovie трудилось более 14 тыс. представителей корейской общности⁴.

Составителями, по нашему мнению, проделана колоссальная работа по выявлению ранее неизвестного материала об участии корейцев в войне 1941–1945 гг. Он впервые транслирован российскому читателю в обобщающем виде. Книга совершенно изменяет представления о роли этнических меньшинств, включая советских корейцев, в войне.

Теперь уже досконально известно об участии около 400 корейцев в войне 1941–1945 гг. Это подтверждают и опубликованные в книге обстоятельные очерки о каждом из выявленных участников войны.

Корейцы-мужчины были заняты во всех родах войск и в сфере обеспечения военных подразделений, в медицинской военной службе, явились непосредственными участниками и военных сражений на фронтах, командовали подразделениями в Красной армии. Многие из них прошли школу партизанской борьбы. На службе были и те, кому удалось попасть в армию под чужими фамилиями – русскими, узбекскими, казахскими. Некоторые из советских корейцев испытали на себе фашистский плен.

Как выясняют составители книги, корейцы в 1941–1945 гг. сражались фактически на всех фронтах войны, проявляя героизм и мужество. Из них были профессиональные разведчики. Из числа корейцев, по установленным сведениям, было три командующих полками (Ф.И. Ким, Н.А. Ким, П.И. Цой). Уже известны многие имена участников войны – медсестры В. Ни, Николая А. Ким, радистов Виктора Ким, Г. Цой, сына полка А. Сон и многих других.

Великая Отечественная война для корейцев не завершилась победой над фашистами. Многие из них в последующем приняли участие в освобождении Кореи от японских оккупантов.

Заложена прочная основа для исследовательской работы по военной истории российских корейцев. Она объемна по своему содержанию и потребует усилий ученых и интересующихся военной историей не только России, но и Казахстана, Узбекистана. Эти усилия будут содействовать созданию правдивой истории Великой Отечественной войны.

Событием исторической важности явилась и публикация в 3-х книгах д.и.н. А.Т. Кузина⁵ о сахалинских корейцах, которые составляют в России особую группу корейского населения со своей судьбой, организацией жизнедеятельности, связей с исторической родиной, отличительными особенностями формирования и функционирования сахалинского корейского сообщества. Автором привлечен богатый собранный архивный материал, выявленный в местных архивохранилищах. Книги читаются с интересом и раскрывают процесс эволюции сахалинских корейцев, численность которых первоначально исчислялась в 67 человек и возросла до нескольких

¹ Мелихов А. Надо уважать, а не унижать...» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mg.chita.ru/vprin.php?number=288&article=449>

² Цитир. по: Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М., 2005. С. 172–173.

³ Там же. С. 183.

⁴ См. ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 2011, л. 252–253. Из корейцев в марте 1943 г. было мобилизовано на работы в угольную промышленность 7 765 человек, из которых 5 153 чел. работали в Подмосковном угольном бассейне (Тульская область) и 2 622 чел. использовались внутри Казахстана на Карагандинских угольных коях. Остальные корейцы были заняты в Коми АССР и на других стройках военного времени. (См.: Там же).

⁵ Кузин А. Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. Кн. 1. Южно-Сахалинск, 2009; Интеграция и ассимиляция (1945–1990 гг.). Кн. 2. Южно-Сахалинск, 2010; Этническая консолидация на рубеже XX – XXI вв. Кн. 3. Южно-Сахалинск, 2010.

тыс. человек. Автором раскрыты многие до сих пор неизвестные стороны жизни сахалинских корейцев.

Нельзя не обойти вниманием появившиеся исследования, включая и диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, бывшего руководителя представительства «Россодружество» в Киргизии Л.Н. Дьяченко¹. Конечно, в работе содержится определенный новый материал применительно к Киргизии. В целом же диссертацию можно охарактеризовать, судя по формулировке в ней положений, выносимых автором на защиту, как констатация известных фактов. Новых открытий не произошло². Вряд ли можно согласиться с автором, утверждающим о слабой проработанности темы на период защиты в масштабе не только России, но и Киргизии, других стран СНГ. Хотя она после опровергает саму же себя (с. 30). Вероятно, сказалось слабое знакомство с изданной литературой.

Если исходить из положений, выдвинутых на защиту, то многие из них не только не имеют под собой научного основания, но и не обоснованы самим диссертантом. Не совсем прозрачно и толкование понятий «адаптационные модели», вряд ли можно «втискивать» процесс адаптации принудительно переселенной этнической общности в какие-либо временные рамки. Сложно отнести к научному открытию диссертанта и такие определения, как «репрессивная политика СССР», «советская депортационная политика» и пр. Было бы целесообразным в качестве примера назвать хотя бы одно государство, которое использовало или применяет подобное название проводимой им собственной политики. Эти понятия были в моде на первой стадии изучения проблемы, что объяснялось слабой источниковой базой темы.

Вряд ли можно согласиться с посылом автора, что депортация кулачества явилась первой социальной депортацией (разные условия, разные причины, оно переселялось в рамках одной страны) как «модель» для будущих переселений целых народов – «геополитических депортаций». Это надо понимать как «геополитическая депортация» (в масштабе мира!). Более того, как же, каким образом оно сопрягается с понятием «депортации по национальному признаку»? Опять же возникает в этой ситуации вопрос: кто же оставался в СССР в числе не подвергшихся депортации в этот период?

Л. Дьяченко являет миру Союз ССР как основателя «геополитических депортаций». А надо было бы обратиться к имевшим место принудительным переселениям и на территории СССР, и в досоветский период развития государственности. Неудачен данный посыл, да и в корне не соответствует действительности.

Официальные документы 1930–1950-х гг. не подтверждают придуманные изыски. Не понятно и утверждение Л. Дьяченко, почему Киргизская ССР – составная часть СССР, на пространстве которой действовали одни и те же законы – стала заложницей и проводником депортационной политики центра. С какой стороны? И каким образом это сочетается с выводами автора? С одной стороны, автором отмечается замкнутость, корпоративность сознания переселенцев, а с другой – перевозносится уровень толерантности (понятие не соответствует той эпохе). С одной стороны Киргизская ССР «страдала от наплыва населения (на апрель 1949 г. 26 741 чел.), а с другой – испытывала нехватку производительных сил, аналогичные утверждения и применительно к переселенцам Северного Кавказа.

Надо учитывать, наверное, и те средства, которые направлялись для переселенцев центром (см. Ким Г. и др.), и в Киргизии имелись десятки заведенных уголовных дел об использовании этих средств не по назначению. Ничего себе – заложник! Нет сбалансированной подачи материала и соответствующих выводов. Вероятно, это не известно диссертанту, сказались слабая проработка архивов. К сожалению, в работе искажены и многие исторические факты, например, применительно к переселению тех же советских корейцев, «оуновцев» и др.

¹ Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации). Автореф. дис.... д.и.н. Бишкек, 2013; она же: Из истории депортированных народов Кавказа в Кыргызстан. Бишкек, 2010; она же: Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации). Бишкек, 2013, и др.

² Вывод по автореферату диссертационного исследования зачастую бывает ошибочным. Знакомство с диссертацией показывает во многом обратное, допущены многие ошибки и просчеты со стороны автора, отмечается действительно слабая проработка литературы, источников, а отсюда и недостаточно глубокая аргументация выводов, поверхностность суждений, отсутствие новизны развития в научном плане самой темы, поспешность, которые не придают исследованию ни фундаментальности, ни новизны.

Автор, как правило, привлекает для своей аргументации первые попавшиеся ей на глаза статистические данные, а не итоговые показатели, раскрывающие суть того или иного процесса.

Это в полной мере относится к советским корейцам, принудительно переселенным с Дальнего Востока, например, на территорию Киргизской ССР. В отношении корейцев не менее интересно и другое открытие автора(!). Главную причину переселения советских корейцев во второй половине 1930-х гг. Л. Дьяченко видит исключительно в том, что они «имели собственное государство с буржуазной формой правления». Следовало бы все-таки ознакомиться с историей появления корейцев на территории СССР¹. Такое утверждение звучит как оскорбление в адрес советских, российских корейцев. В 1937 г. уже исполнилось более 70 лет со дня добровольного переселения их в Россию. А для многих из них Россия вообще была родиной, они в ней родились. По Дьяченко оказывается, что советские корейцы в наименьшей степени поддавались политике советизации. Но в действительности же корейцы составили костяк партизанского движения на Дальнем Востоке в борьбе за советы и в период Гражданской войны. В ходе коллективизации они имели самый высокий показатель в крае и т.д. На октябрь 1931 г. было образовано 200 корейских коллективных хозяйств с 12 тыс. колхозников².

Одним словом, как замечает Л.Н. Дьяченко, «статус корейцев был крайне противоречивым. Это был народ, насильственно высланный в целях пресечения «японского шпионажа»³.

Теперь уже доктор исторических наук Л. Дьяченко утверждает, что «до Великой Отечественной войны этнической депортации подверглись корейцы, поляки, финны и курды, которые, как считало советское руководство, в силу своей этнической принадлежности представляли угрозу внешнеполитическим интересам СССР»⁴. Не берусь судить о других названных ею этнических общностях, но, однозначно, автор подобного вывода не знакома с изданием Серии из 14 книг «Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг. Кн. 1, М., 2004.../Сост. Ку-Дегай С. Наверное, необходимо было бы обосновать сей глубокий научный вывод, например, применительно к советским корейцам.

Что касается поселения корейцев на территории Киргизской ССР, то Л.Н. Дьяченко по этому поводу пишет, что «корейцы появились здесь после смерти Сталина, и связано это было с ослаблением их политического преследования». В связи с этим ею же дается оценка положению корейцев в системе отношений. «Корейцы, – считает она, – наиболее ярко из всех переселившихся народов демонстрируют результат политики тоталитарного режима – политики денационализации и интернационализма в самом крайнем его проявлении – этнической стерилизации»⁵.

Настоящее утверждение не совсем соответствует действительности. Уже в 1937 г. незначительная часть корейцев была поселена и на территории будущей Киргизской ССР (образована 21 ноября 1940 г.), в частности на предприятиях объединения «Киругля». По сведениям НКВД Узбекской ССР о пребывании корейцев-переселенцев на шахту «Сулюкта» (одноименный город с 1940 г.), на станцию Пролетарская («Кируголь»), где осуществлялась добыча бурого угля (с 1868 г.) на 5 декабря 1937 г., прибыла 51 семья (187 человек). В докладной записке наркома, председателя СНК Узбекской ССР С.С. Сегизбаева (19 декабря) уже значилось 215 корейских хозяйств. В последующем наблюдалась тенденции роста численности корейцев на территории Киргизской ССР⁶. И трудились они там совместно с более чем 50 тыс. других спецпереселенцев. А что касается послабления режима пребывания советских корейцев на поселении, то оно проявилось в связи с созданием Переселенческого управления при СНК СССР, при СНК союзных и автономных республик, в ведение которых передавались и корейцы, проживавшие в Средней Азии⁷.

¹ Там же. С. 44.

² См. ГАРФ. Ф. 3316, оп. 2. Д. 1078, л. 69.

³ См. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации). Автореф. дис. ...д.и.н. Бишкек, 2013.

⁴ Дьяченко Л.Н. Указ. автореф. С. 43.

⁵ Там же.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. – Р. 5446, оп. 29, д. 48, л. 146 –147, 156 –160. См. так же: Корейцы в Союзе ССР – России: XX век. История в документах. М., 2004. С. 99.

⁷ 10 июля 1936 г. постановлением Советского правительства Всесоюзный переселенческий комитет был переведен в структуру НКВД СССР. В связи с этим в его структуре был сформирован Переселенческой отдел, существовавший до 1939 г. В конце 1940-х гг. задачи его претерпели заметное изменение. В 1949 г. Главное переселенческое управление функционировало при Совете Министров

Необходимо было бы познакомиться и с материалами проходившего Всероссийского кустового совещания по проблеме реабилитации народов Северного Кавказа 25 августа 1960 г. в г. Нальчике. Что помогло бы самому автору разобраться в направлениях, итогах реабилитации народов Северного Кавказа и не делать поспешные, зачастую необоснованные выводы.

Российские корейцы в 1990-е гг. (более 200 тыс. человек) адаптированы в социумы Южного, Северокавказского федерального округов и др. По приблизительным данным администраций, на Юге проживает более 50 тыс. граждан–корейцев, которые совместно с казаками, другими народами вносят заметный вклад в приумножение экономического и духовного потенциала субъектов России¹. На их счету огромный опыт взаимодействия с этническими общностями на территории Российской Федерации, от Брянской области и до Сахалина².

Корейцы занимают во многих отраслях народного хозяйства руководящие посты, отличаются законопослушанием и трудолюбием, высокой степенью патриотизма. Они заняты в аграрной сфере, многие из них являются фермерами, трудятся в других отраслях производства.

Корейцы имеют значительный слой российской интеллигенции, их имена известны в сферах здравоохранения, науки, спорта. Они в современных условиях выполняют важную международную миссию, выступая связующим элементом в отношениях России и странах Корейского полуострова, за объединение Корей, создание единого государства³. Пример их беззаветного служения, преданности Родине, в полном понимании этого слова, заслуживает оценки и признания.

СССР. Постановлением Совета Министров СССР № 2895 от 7 декабря Главное управление перешло в состав Министерства сельского хозяйства СССР, а на основании постановления Совета Министров № 2344 от 1 декабря 1954 г. «Об упорядочении дела организации сельскохозяйственного и промышленного переселения» Главное переселенческое управление было ликвидировано.

¹ См.: *Бугай Н.Ф.* Корейцы России: вопросы экономики и культуры М., 2008.

² См.: *Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи.* Санкт-Петербург, 2012.

³ *Бугай Н.Ф.* «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации. М. 2005;